

ры шуточных песен – *застольные* и *хороводно-игровые*. В Осинском, Баяндаевском, Эхирит-Булагатском, Нукутском районах больше сёл с монобурятским населением, что способствует сохранению песен, в том числе и шуточных, поэтому большая часть текстов была собрана именно там. В этих районах представлены все жанры шуточных песен (*турнирные, застольные, хороводно-игровые*).

Все информаторы являются представителями старшего поколения, что также свидетельствует об угасании традиции.

Из 70-ти текстов шуточных песен, *застольных* «хухалгаан дуун» – 20, *хороводных* «хухалгаан дуун» – 3, *застольных* «мунгалгайн зугаа» – 10, *хороводных* «мунгалгайн зугаа» – 7, *застольных* – 22, *хороводно-игровых* («ёхорнааданай») – 8. Из всех жанров преобладающими являются застольные (всего их 52), это говорит об утрате традиции исполнения *хороводных* и *ёхорных* песен в отличие от активного бытования *застольных*.

Литература

1. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973.

2. Обряды в традиционной культуре бурят / Д.Б. Батоева, Г.Р. Галданова, Д.А. Николаева, Т.Д. Скрынникова; отв. ред. Т.Д. Скрынникова. – М.: Восточная литература, 2002.

Информанты

Баларьева Екатерина Ивановна, 1914 г.р., с. Имелта Осинского р-на, записано в 1990 г.

УДК 398 (=512.31)

Барлуков Роберт Савельевич, 1928 г.р., с. Заглик Боханского р-на, записано в 1990 г.

Балдаев Борис Борхоевич, 1924 г.р., с. Нагалык, образование 7 кл., записано в 1994 г.

Булутова Аграфена Борисовна, 1936 г.р., уроженка Баяндаевского района, записано в 2010 г.

Балханова Мария Григорьевна, 1928 г.р., с. Красная Буреть Боханского р-на, записано в 1998 г.

Борхонова Ольга Григорьевна, 1918 г.р., с. Байтог Эхирит-Булагатского р-на, записано в 2001 г.

Емнуева Варвара Бадиевна, 1932 г.р., с. Нагалык Баяндаевского р-на Иркутской обл., записано в 2000 г.

Зандынова Светлана Богомоловна, 1956 г.р., с. Баяндай Иркутской обл., записано в 2009 г.

Измайлова Клара Протасовна, 1956 г.р., с. Гаханы Баяндаевского района, записано в 2010 г.

Куркутов Прокопий Маркович, 1932 г.р., с. Тараса Боханского р-на Иркутской обл., записано в 2002 г.

Литвинцева Галина Матвеевна, 1935 г.р., с. Хокта Осинского р-на Иркутской обл., записано в 1985 г.

Осипов Савелий Шеринович, 1922 г.р., с. Закулей Нукутского р-на Иркутской обл., записано в 1986 г.

Федорова З.В., 1938 г.р., уроженка с. Хадахан Нукутского р-на, записано в 2006 г.

Ханхакшинов Николай Иванович, 1933 г.р., с. Хокта Осинского района, записано в 1985 г.

Ханхасаева Мария Алапшиевна, 1918 г.р., с. Алагуй Ольхонского района, записано в 1992 г.

Бабкина Лидия Валерьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета.

Babkinova Lidiya Valerievna, candidate of philological sciences, associate professor of department of Buryat philology of Irkutsk State University.

Tel./fax: 8 (3952) 243995; e-mail: babkinova@mail.ru

М.В. Пурбуева

Демонологические персонажи в сказочной прозе бурят

В статье анализируются образы демонологических персонажей в шаманских мифах, легендах и преданиях из материалов архивного фонда С.П. Балдаева. Вера в существование духов была и остается неотъемлемым и существенным элементом в обрядовой сказочной прозе бурят как отражение древних тотемистических верований.

Ключевые слова: мотив, демонологические персонажи, обрядовый, сказочная проза, злые духи, душа.

М. V. Purbueva

Demonological characters in the Buryat ritual myths and legends

The images of demonological characters of ritual myths and legends kept in the archives of S.P. Baldaev are analyzed. Belief in the existence of spirits was and still stays the integral and essential element of Buryats' ceremonial myths and legends and is a reflexion of ancient totemic beliefs.

Key words: motif, demonological characters, ritual myths, legends, evil spirits, soul.

В данной статье впервые специально исследуется обрядовая сказочная проза бурят с привлечением ранее неисследованных материалов из архива С.П. Балдаева. В статье они сравниваются с опубликованными материалами М.Н. Хангалова и других ученых. В мифологической традиции бурят представлен богатый пантеон мира духов, куда входят обитатели

верхнего, среднего и нижнего миров. Верхний мир, по воззрениям предков бурят, населен небесными божествами – небожителями. Средний мир считается собственно человеческим миром, он испытывает на себе воздействие духов верхнего и нижнего миров, природных стихий и явлений, а также всевозможных вредоносных существ. Сознание древних бурят не проводило

четкой грани между обитателями нижнего мира и злыми духами среднего мира. Все они представляли собой чрезвычайную опасность, вторгаясь в жизнь людей. В нижнем мире расположился Эрлик-хан со своими сыновьями, дочерьми и огромной канцелярией.

Злые духи в мифологии и фольклоре разных народов называются демонами, они склоняют людей к злу и сами причиняют им вред. В целом демонологические рассказы обращены к настоящему, случившееся в них – обычно невероятное событие, и рассказчик исполнен удивления и трепета. Главная цель таких рассказов убедить слушателей в истинности сообщаемого, эмоционально воздействовать на них, внушить страх перед демоническими существами. Сюжеты отличаются лаконичностью, в основном они одномотивные. Персонаж – человек или демоническая особь.

Заметное место в шаманской мифологии бурят занимают представления о духах, настроенных враждебно по отношению к людям. По воззрениям бурят, благополучие людей и их жизнь в определенной мере зависят от различных духов. Буряты верили, что на них можно воздействовать. Эту функцию обычно выполняли шаманы, которые являлись служителями культа и были наделены небесным даром «видеть» духов и общаться с ними.

Демонологические персонажи в бурятских мифах, легендах и преданиях предстают в двойственном облике: как всемогущие и ужасные силы зла – Эрлик-хан и его родственники, и как глупые, недалекие персонажи, которых можно легко обмануть. Демонологические персонажи можно условно разделить на зооморфные и антропоморфные. Для бурятской мифологии характерны антропо-зооморфные.

К демонологическим персонажам низшей мифологии бурят можно отнести следующих злых духов:

Абалжаргана – маленький зверек, питается кровью грудных детей [1, л. 6].

Ада – дух, оборотень, насылающий детские болезни и детскую смертность.

Ажарай – черт.

Анахай – голое человекоподобное существо. Вредит детям [1, л. 1].

Боохолдой – в узком смысле домовый, в широком – дух вообще, в которого превращается душа человека после смерти.

Далан түргэд – 70 безымянных духов, вызывающих нарывы.

Дахабари – злые духи, причиняющие вред детям. «Духи молодух» [1, л. 1].

Дахуул – дух, причиняющий вред детям.

Жэгшэмээр боохолдой – омерзительный, от-

вратительный дух.

Зэтхыр – злой дух [1, л. 1].

Ирһаар боохолдой (досл. «оскалившийся дух») – духи, пожирающие души людей, подобно голодным хищным зверям с оскаленными зубами.

Муу боохолдой – собирательное название всех разновидностей уродливых духов-оборотней.

Муу шубуун – дух-оборотень в образе красивой девушки с птичьим клювом, который она прикрывает ладонями. Заманивает человека и затем съедает его.

Ороолон – оборотень, упырь.

Туйт – злой дух [1, л. 1].

Уһанай боохолдой – душа утопленника, обитающая в водных пучинах.

Үргэшиэ заяан – дух-сплетник, каверзник.

Үрөөлэ бээтэн – духи, имеющие только половину тела.

Үхэр боохолдой – корова-оборотень. Дух-оборотень, приняв образ комолой и бесхвостой коровы, ходит ночью на задних конечностях.

Халуунай – дух внезапно или трагически умершего в юном возрасте ближайшего родственника. Тревожит своих родных, причиняя им болезни.

Халуун үбиэн – безымянные духи, имеющие наполовину белое, наполовину черное лицо, говорящие шепотом и едущие в повозках, запряженных черными лошадьми.

Харшангууд – духи, занимающиеся пожиранием душ непослушных или провинившихся людей.

Һүүдэри боохолдой – теневой дух. Призрак, не имевший ясных очертаний и мелькавший перед глазами людей в сумеречное время.

Шогтой боохолдой – дух-проказник. Дух-шутник, наносивший человеку несущественный вред. Например, он проказничал, останавливая лошадь ночного путника или уводя ее прочь от дороги.

Шолмо или *Шолмос* – злой дух, «ловкач», «пройдоха».

Шүдхэр – черт.

Эзыхэ – дух в образе миниатюрной старой женщины, высасывающей ночью вымя дойной коровы. После этого оно опухало, прекращался приток молока и заболел теленок [2].

В целом демонологические представления бурят о злых духах обобщаются в едином образе *боохолдой* – источник зла и несчастий, причиняющий болезни людям и вред их имуществу.

Испокон веков люди верили, что болезни и смерть возникают не по естественным причинам, а являются последствиями воздействия враждебных духов. Причем, если злые духи по-

хищают душу человека, только шаман или приравненный к нему, может освободить пленницу, спустившись за ней в подземный мир.

В традиционной картине мира злые духи находятся на противоположной стороне оппозиции день–ночь, свет–тьнь, одетый–голый, лето–зима. Буряты приписывали некоторым частям пространства постоянную связь с иным миром. К числу самых распространенных, маргинальных, представляющих большую опасность, относятся нежилые места или заброшенные дома. По поверьям бурят, там обитают злые духи, встреча с которыми предвещает несчастье. В народном представлении понятия «заброшенность», «опустошенность» соответствуют параметрам чужого, непредсказуемого, таящего в себе опасность. В одном семантическом ряду с обозначением «заброшенности» и «пустотности» стоит мифологема смерти.

Смерть человека монголоязычные народы осознавали как переселение в иной мир, где продолжается дальнейшее его существование. По некоторым легендам, после смерти человек превращается в духа и продолжает жизнь, такую же как и у живых людей, отличие состоит только в том, что духи живут на кладбище и ездят на конях, которых им принесли в жертву, или ходят пешком. Согласно ряду поверий в зависимости от своего предыдущего земного статуса души умерших занимают такой же после смерти и некоторое время остаются в тех местах, где обитали ранее. У бурят бытовало мнение, что оставшиеся в среднем мире души умерших причиняют живым различные несчастья и болезни. Считалось, что после ухода в страну мертвых, души некоторых людей не оставляли живых в покое.

В обрядовом фольклоре бурят отражены поверья о том, что при рождении у человека бывает три души. Первая из них – хорошая, называется *заяши*. Вторая – это душа, которая во время сна человека оставляет тело и странствует по миру, по легендам ее могут поймать злые духи. Третья душа – плохая, она постоянно бывает в теле и никогда от него не отходит. Во сне эта душа может душить человека и насылать кошмары. После смерти человека хорошая душа поднимается на небо, средняя делается духом и странствует по земле, плохая душа остается возле тела человека, а когда тело покойника разрушится – делается вихрем (*хиш хуй*). «В этом вихре, в самой середине, вертится душа, у которой верхняя часть толстая, книзу истончается, такую форму она получает в силу того, что, “вертясь в вихре, истирается и становится тоньше” [3, с.31]. Подобный образ бытует не только у бурят, но и у многих народов Сибири. По народным

представлениям русских Сибири, внутри вихря находится дух (дьявол, черт, леший, вихрик): «Вот вихрь-то, смерч называют, вот он (леший) в нем и кружится» [4, с. 14].

Аналогичные поверья мы можем наблюдать и в хакасской демонологии. «Айна (злой дух. – П.М.) <...> нередко представал в образе вихря – хуюн, который уносит человеческое счастье. Хакасы всегда осторожно относились к вихрям, если вихрь касался человека, то ему необходимо было отряхнуться. Пожилые хакасы говорят: «Хуюн ол айна, кізінің худы хап апарча, анаң кізі ол парча» / «Вихрь – это черт, когда он похитит у человека душу, то потом тот умирает» [5, с. 74]. Таким образом, представления о душе у многих народов крайне схожи.

В низшей шаманской мифологии наиболее распространенными демонологическими персонажами являются *ада* и *муу шубуун* (букв. «плохая птица»). По легендам и преданиям бурят, «муу шубууном <...> делается умершая девушка, если перед смертью дочери отец отдаст ей огниво, т.е. положит в могилу; муу шубуун имеет обыкновенно человеческий вид, вид женщины, только губы становятся большими, красными и вытягиваются наподобие клюва, муу шубуун может обращаться в животных, но губы при этом не изменяются <...> Муу шубуун под правой мышкой держит огниво, то она кричит: “смотри в руке”, но смотреть не должно – если посмотреть, то огниво превратится в червей, а не посмотреть, то можно сделаться богатым» [6, с. 332-333]. Имеется и другой вариант этой легенды, по которой у *муу шубуун* под мышками находится по огниву. С правой стороны – красное и блестящее, в котором содержится жизнь человека, борющегося с духом, с левой – покрытое слюнями и гноем, содержащее жизнь *муу шубуун*, если вырвать его в сражении, то можно победить злого духа [3, с. 26]. В данном эпизоде легенды, раскрывается распространенный мотив обманных уловок демонологического персонажа в борьбе с положительным героем.

В шаманских легендах распространен сюжет, где *муу шубуун* превращается в разных птиц, но в основном она является в образе женщины, которая прикрывает свои уродливые губы рукавом одежды. Если победить этого злого духа, то, по мотивам легенд, он превращается в тазовую кость. Этот факт не может не обратить на себя внимание. Напрашивается сравнение бурятского мифологического персонажа *муу шубуун* с некоторыми персонажами западноевропейской мифологии (например, троллем). Как известно, в традиционных норвежских легендах троллям свойственны метаморфозы. Эти существа могут принимать антропоморфный вид

(принцы, принцессы, облик простых людей) и зооморфный (превращаются в коз, черных собак, медведей), а также – вид растений и различных предметов. Аналогичными свойствами обладает и *муу шубуун*. Так же как и *муу шубуун*, тролли появляются только ночью, после захода солнца, что характерно для всех сверхъестественных существ, относящихся к потустороннему миру. Еще одно сходство этих двух персонажей в их кончине: тролли на восходе солнца превращаются в камень, а *муу шубуун*, умирая, становится костью.

Необходимо упомянуть еще одну параллель, наталкивающую нас на мысль о близости шаманского мифологического персонажа *муу шубуун* с так называемыми вампирами. Особенно ярко это показано в одной японской легенде о вампирах. «Вампиры Японии особенно любили принимать человеческий облик. Эти ночные бродяги часто посещали дворы древних японских принцев, являясь к ним под видом соблазнительных девушек, и, лаская, выпивали кровь из своих возлюбленных. Если их удавалось напугать, они убегали из складок кимоно большими черными кошками. Отличало их от настоящих кошек наличие у них двух хвостов [7, с. 84]. Сюжет зависимости вампиров от человеческой крови может мотивироваться тем, что отражает наиболее глубокие верования людей. С давних времен человечество верило в живительную силу крови, считало ее рекой жизненной силы. Самым главным жертвоприношением всегда была кровь живого существа. Ценность ее увеличивалась еще и от веры в то, что кровь любого существа может передавать его силу, здоровье и другие качества тому, кто ее выпьет.

Говоря о вампирах, необходимо отметить мифы бурят о духах-антропофагах. Они являлись, по сути, людьми: «они были совершенно похожи на людей, говорили человеческим языком, но только ели человеческое мясо. Поймав человека, они сначала откармливали его, чтоб он сделался жирным <...> они давали ему есть печень убитого человека; когда человек съест человеческую печень <...> до того жиреет, что не может ходить. Откормив человека, людоеды колуют его и сперва едят печень, а потом <...> мясо» [3, с. 36]. Выше приведен распространенный мотив поедания человеческой печени злыми духами. Элементы каннибализма проходят через многие мировые мифологии. В фольклоре североамериканских индейцев также бытуют легенды о том, что тот, кто отведал печень вождя, обретет его силу и знания. А в соответствии с обрядовыми представлениями бурят печень считается наиболее питательным органом животного наряду с головным мозгом. Не случайно в

легендах *муу шубуун* предпочитает употреблять в пищу именно эти человеческие органы.

Злые духи не статичны в своих проявлениях, как правило, они способны менять внешний вид, они могут принимать любую форму – человека, животных или неодушевленных предметов. Мотив перевоплощения является одним из распространенных в мифологии почти всех народов мира. В большинстве случаев он связан с мотивом оборотничества, т.е. превращения людей в животных, и наоборот, что отражает древние тотемистические воззрения. Так, широко распространена мифологема перевоплощения человека в волка. Обрядовый фольклор бурят изобилует подобными примерами. Зачастую в шаманских легендах подобными качествами – перевоплощения в различных животных – обладают шаманы. Однако существуют представления бурят о том, что и некоторые крысы по истечении лет становятся *ада*. «Под старости лет они [крысы] стареют, силы покидают их, и они питаются детским мясом» [3, л. 2].

Так же как *муу шубуун*, образ мифологического персонажа *ада* имеет множество обликов, способен принимать разнообразные формы. В соответствии с опубликованными записями М.Н. Хангалова, *ада* бывают добрыми и злыми и восходят к неизвестной покойной девушке, которая превратилась в сверхъестественное существо после смерти. Злые *ада* причиняют вред детям. Внешний вид данного существа воистину устрашающий: «Ада имеет один глаз на лбу и на каждой руке по три пальца. Она ест только новорожденных детей; как только ребенок подрастет и будет в состоянии поднять ножик, ада более к нему не подойдет <...> ада боится входить в дом, где есть сердитый и вспыльчивый человек, который <...> запирая дверь, сильно хлопает. <...> Ада ростом не более собаки; брюхо совершенно голое, без шерсти, а другие говорят, что ада похожа на кошку» [3, с. 30].

Буряты верили, что *ада* могут видеть только сильные шаманы. Встречу людей с *ада* описывает легенда об одном шамане. В ней говорится, что он заехал к человеку, которого беспокоили злые духи. Приехав, шаман велел поставить кувшин с угощениями, а сам, превратившись в *ада*, увидел, что в этом доме тринадцать *ада*, они сидели в кувшине и, наслаждаясь пищей, приговаривали: «Как хороши наши мать и отец». Они по очереди караулили наверху сосуда. А когда пришла очередь шамана, он превратился в человека, закрыл крышкой сосуд и приказал вынести последний в поле и сжечь [6, с. 333]. Комментируя эту легенду, М.Н. Хангалов делает любопытную замечку о том, что природа *ада* вероятно восходит к первоначальным пред-

ставлениям о них как духах умерших детей, так как в соответствии с легендой они называли хозяина и хозяйку отцом и матерью, а требование шамана поставить кувшин с едой напоминает обычай в течение некоторого времени выставлять в юрте сосуд с пищей для душ умерших детей [6, с. 334]. Добрые *ада*, по легендам, ведут себя по-другому: не вредят детям, а нянчат их, караулят и пасут скот, берегут хозяйское добро. Данными функциями они напоминают домовых, распространенных персонажей низшей мифологии славян.

Еще одним злым духом является мифологический персонаж *абалжаргана*. По поверьям, он причиняет вред детям: это «маленький зверек, который питается кровью грудных детей. Днем он скрывается в темных местах, выходит оттуда только ночью. Так же как и ада, входит в дом вместе с людьми. Ночью нападает на ребенка и пьет кровь. Живет эта сущность в заброшенных строениях, скотных дворах» [3, л. 6]. Абалжаргана – это зооморфный персонаж, который питается только человеческой кровью и живет в непосредственной близости с человеческими поселениями.

Кроме вышеперечисленных духов, *ада* и *абалжаргана*, детям могут приносить вред и такие злые сущности, как *анахай*, *дахабари*, *зэтхыр*, *туйт* и пр.

Дахабари представляют собой духов умерших при родах девушек. В обрядовом фольклоре бурят обнаруживается интересная тенденция обожествлять людей, тем или иным образом пострадавших или обездоленных при жизни. По всей вероятности, люди из-за страха перед неудовлетворенными душами покойников приносили им жертвы в надежде, что эти души посредством данных подношений будут в дальнейшем благосклонны к просителям.

Во многих сюжетах бурятских шаманских легенд демонологические персонажи можно победить только с помощью острых железных предметов – *ада* боится ножа (не подходит к ребенку, который способен держать нож). Поэтому в люльку к новорожденному клали ножицы или нож как оберег от злых духов. В данном случае интересна мысль Ю.И. Юдина: «Черт как наследник тотемического образа мыслей <...> незнаком с новым для эпохи тотемических воззрений материалом и орудиями, изготовленными из него. Железо неизвестно черту, оно его пугает, приносит ему несчастье, боль, увечье. Человек использует железо и изделия из него, чтобы одержать верх над чертом, воспользовавшись его неосведомленностью» [8, с. 135]. Мусульманские народы также клали под подушку ребенку и в могилу покойнику острые

железные предметы, что говорит о сходстве мифологических представлений с таковыми монголоязычных народов.

Злых духов, по мнению С.П. Балдаева, можно «отогнать и устрашать стрелами и ножами <...> можно привести в заблуждение. Для этого невеста с подружками пряталась у своих соседей перед отправкой свадебного поезда к жениху, или одевали невесту в мужскую одежду и в таком виде везли к жениху» [9, л. 8]. Таким образом, люди не только не боялись в известной мере нечистой силы, но и пытались совершать обманные маневры по отношению к ней, применяли обереги, и чтобы в высшей степени защитить себя и своих родных, приглашали шаманов для совершения жертвоприношений беспокойным духам.

Итак, в данной статье нами кратко рассмотрены легенды и устные рассказы, связанные с демонологическими персонажами бурятской мифологии. Ранее не изученные демонологические персонажи низшей мифологии бурят и образцы несказочной прозы, представленные в архивном фонде С.П. Балдаева, заметно пополняют общеизвестный список сродных персонажей.

Обобщая сказанное, следует заметить, что вера в существование духов была неотъемлемым и существенным элементом в обрядовой несказочной прозе бурят как отражение древних тотемистических верований. Сверхъестественные существа, в том числе демонологические персонажи, в мифологическом сознании представлялись существовавшими самостоятельно, имевшими широкую сферу деятельности, способными активно вмешиваться в мир людей, принимать различный облик, наделенными разумом, волей и даже определённым характером.

Литература

1. Балдаев С.П. Ф. 36. №1249 – Злые духи, преследующие маленьких детей // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. С.П. Балдаева, разные поверья бурят. № 1249.
2. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М., 1978.
3. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: в 3 т. – Улан-Удэ, 2004. – Т. 3.
4. Матвеева Р.П. Мифологический образ природной стихии в русском повествовательном фольклоре Сибири // Русский фольклор Сибири. Художественный образ: исследования и материалы / РАН. Сиб. отд-ние, БНЦ, Ин-т обществ. наук. – Улан-Удэ, 1997. – С. 11-22.
5. Бурнаков В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск, 2006.
6. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: в 3 т. – Улан-Удэ, 1958. – Т. 1.
7. Призраки ночи: предания и поверья / пер. с англ. С.Иванченко. – М., 1996.
8. Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и черт (исторические корни бытовой сказки). – М., 2006.
9. Балдаев С.П. Ф. 36. № 337 – Мифы, легенды и предания бурятского народа // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. С.П. Балдаева, легенды и предания. № 337.

Пурбуева Марина Викторовна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Purbueva Marina Valerievna, post-graduate of department of folklore and literature studies of the Institute of Mongolian,

Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences.

Tel: (3012) 44-74-24, +7-924-653-09-88;

e-mail: purmara@mail.ru

УДК 4p (с18)

Г.В. Афанасьева-Медведева

Характер репрезентации традиционной вербальной культуры в «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири»

В статье рассматривается современное состояние традиционной вербальной культуры русских старожилов, проживающих на территории Иркутской, Читинской областей, Красноярского края, Республик Бурятия, Саха (Якутия), в частности, проблеме возможного использования устного народного рассказа в качестве связного текста, иллюстрирующего значение диалектного слова, фразеологизма.

Ключевые слова: традиционная вербальная культура, фольклор, говоры, этнография, русские старожилы Сибири.

G. V. Afansyeva-Medvedeva

The nature of the representation of traditional note verbale culture in "Dictionary of Russian old-timers' dialects of Baikal Siberia"

The article is devoted to the problem of current state of traditional culture of Russian old-timers living in the Irkutsk and Chita regions, Krasnoyarsk district, the republics of Buryatia, Sakha (Yakutia), in particular, to the issue of possible use of oral folk tale as a coherent text, illustrating the importance of dialect word, idiom.

Key words: traditional folk culture, folklore, dialects, ethnography, Russian old-timers of Siberia.

Двадцатипяти томный «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» – словарь дифференциального типа. Особенность словаря заключается в том, что значение диалектного слова, фразеологизма иллюстрируется *связным текстом* – устным народным рассказом (реже – преданием, легендой, быличкой, бывальщиной).

В основу словаря положены материалы 154-х экспедиций, состоявшихся в период с 1980 по 2008 г.: 33-х – Иркутского государственного педагогического университета (далее – ИГПУ), 118-ти – личных экспедиционных поездок, 3-х экспедиций, осуществленных при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (гранты №05-04-1836е, 06-04-18030е), Российского фонда фундаментальных исследований (грант №05-06-97221).

В результате двадцативосьмилетних полевых изысканий были выявлены живые очаги русской старожильческой вербальной традиции на территории Байкальской Сибири:

1) Приленье – Иркутская область (Жигаловский, Казачинско-Ленский, Качугский, Киренский, Усть-Кутский районы), Республика Саха (Якутия) (Ленский район);

2) Нижняя Тунгуска – Иркутская область (Катангский район);

3) Ангара-Енисейская зона – Красноярский край (Абанский, Богучанский, Енисейский, Казачинский, Канский, Кежемский, Мотыгинский,

Тасеевский, Туруханский районы), Иркутская область (Балаганский, Братский, Нижнеилимский, Усть-Илимский, Усть-Удинский, Чунский районы);

4) Присяянье – Иркутская область (Заларинский, Зиминский, Куйтунский, Нижнеудинский, Тайшетский, Тулунский, Усольский, Черемховский районы), Республика Бурятия (Тункинский район);

5) Прибайкалье – Республика Бурятия (Баргузинский, Кабанский, Курумканский, Северо-Байкальский районы), Иркутская область (Ольхонский район);

6) Забайкалье – Республика Бурятия (Баунтовский, Бичурский, Заиграевский, Кижингинский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Тарбагатайский районы и др.), Читинская область (Акинский, Балейский, Борзинский, Газимуровский, Каларский, Калганский, Карымский, Краснокаменский, Красночикоийский, Кыринский, Нерчинский, Могочинский, Петровск-Забайкальский, Сретенский, Тунгокоченский, Хилокский, Чернышевский, Читинский, Шелопугинский, Шилкинский районы и др.).

Состоявшиеся экспедиции позволили обследовать 1258 населенных пунктов, расположенных на территории этих районов, обнаружить очаги бытования вербальной культуры, описать картину языкового ландшафта, выявить несколько тысяч рассказчиков – подлинных знатоков народной культуры. Это люди преклонных лет,